* * *

Так хочется чистого снега
И света колючего дня…
А помнишь, как было: с разбега
Ты, ахнув, уткнулась в меня!

Уткнулась… И вздрогнули парки,
Качнулись деревьев верхи,
Цвели поцелуи-подарки
И падали с неба стихи.

Кружилась луна, словно лира,
А мы среди лунной земли
Не видели бренного мира
И видеть его не могли…

Свет бил из небесного лона,
И ворон над нами кружил,
Он помнил туман Альбиона,
Где Дарвин, наверное, жил.

А мы позабыли про время,
Про тайную суть ремесла…
Мы жизнь поцелуями грели,
Чтоб мимо она не текла.

Такое бывает не часто,
Быть чуждым оно не могло,
И белое дерево счастья
Из чистого снега взошло.

* * *

Белошвейка-зима над полями застыла,
Белым инеем жухлые травы зажгла,
И к погосту пришла, темный Храм засветила,
И в туманных полях скорбный крест прибрала.

У природы нет зла и глухой укоризны,
Тишина и печаль, как водицы бокал.
Здесь Рубцов проходил по изменчивой жизни
И в болотах последнюю клюкву искал.

Белошвейка-зима, мы покличем Рубцова,
Чтобы он — тихим днем — в русском поле ожил.
Вдруг туманы ушли. Стыло небо свинцово,
И на небе Рубцов или месяц кружил…

* * *

Все плачет ива над рекою
В тоске осенней, как желна,
Соединю себя с тоскою,
Напьюсь гремучего вина.

Пойду по зимникам застылым
И по кладби́щам ледяным,
Где ходят звезды по могилам
И шелестит поземок дым.

Пойду по ветреному свею
Искать загубленную Русь.
И не найду, и не сумею,
И свея белого напьюсь…

АФГАНЕЦ

Боль стара и Родина стара,
Свет идет от древнего колодца,
Принеси водицы мне, сестра,
Может, мне пожить еще придется?

Одолеть бы черную напасть,
Отодвинуть грустную заботу,
Чтобы не убиться, не пропасть,
А пойти, как люди, на работу.

Принесла сестра ему воды,
Принесла, в углу поколдовала.
Насбирала тмину вдоль гряды,
Бога Всенебесного призвала.

Напоила брата, как могла,
Армяком овечьим принакрыла.
В сенокос на целый день ушла,
Перед тем молитву сотворила.

Брат-афганец нынче не жилец,
Побежден военной круговертью...
Хоть пришел из ада, наконец,
Но упал меж недугом и смертью.

Сам себя почти не распознал,
Все лежал в остуде непонятной.
И себя как будто погонял,
Все кричал: «Ни шагу на попятный!»

Боль остра и Родина остра,
Все своих сынов не обиходит.
С косовицы прибегла сестра,
Брата во светлице не находит.

Только кружит Ангел в тишине,
Видимо, к болящему спустился.
И герань сказала на окне:
— В Ангела афганец превратился.

* * *

Я не знаю куда — взвился день мой пылающий:
Почернели цветы и листы камыша...
В небе стынет печаль, стонет свет отлетающий,
Стала тесной земля и заблудшей душа.

Гнется ива в ночи и с тоской беспощадною
Обнимает луны безответную тень...
Вспоминает судьба мою жизнь непарадную,
Все пытаясь поймать улетающий день.

День уже иссечен злыми ветрами времени,
Он пробитым крылом еле плещет вдали.
Ему падать еще с пулей-дурою в темени
И, быть может, спастись, но уже вне земли...

БОМЖ

Я встречаю бомжа, он живет, в тектонической груде
Безобразных камней, неопознанный, полуживой.
Мимо годы идут, будто полые, голые люди...
Для кого он живет и кому он знакомый и свой?

Я спускаюсь к бомжу в его тесное полужилище,
Я иду по трубе, а потом попадаю в дыру,

Где взрывается гул, будто нас преисподняя ищет,
Или черт на земле затевает шальную игру.

В закоулках трубы мы находим его амбразуру,
Некий свет из земли или с неба к нему заглянул,
Я случайно попал в эту штольню, а может быть, сдуру
Напросился к бомжу, словно время спиралью согнул.

Бомж хозяином вдруг ощущает себя в преисподней,
Приглашает к столу из базальтовых плоских камней.
Ставит водку со свалки, которую стырил сегодня
У другого бомжа ради странной персоны моей.

Мы сидим у бомжа. Полстакана — и стало уютно
В этой черной дыре, из которой не выйти уже
Ни стране, ни бомжу и ни мне, что живем так беспутно,
Не надеясь найти просветленья в стране и в душе.

МЯСНИК

В его руках топор тяжелый,
Он к туше ласково приник
И хряснул так, что у монголов
В степях летучий смерч возник.

Орда проснулась Золотая,
Затрепетала вдалеке,
В иных веках, не забывая
О грузном русском мяснике.

Среди гремучего базара
Топор значенье обретал,
И звук свистящего удара
До континентов долетал…

Топор вздымался на полсвета,
На небе пряталась Луна…
И Вашингтону мнилось: это
Летит ракета «Сатана»!

* * *

Поднимется в небо дорога,
Где в прошлом мы ищем себя,
А надо дойти бы до Бога,
И ближних, и дальних любя…

Прибраться на родине малой,
Прибиться к родной высоте.
Пусть даже больной и усталый,
Великой служи красоте!

СИНИЦА

А жизнь еще как будто длится,
Хотя все вешки снесены…
И вечность медленная мглится
Среди стеклянной тишины.

Как птица, вспархивает ветер,
Ночь загоняет под крыльцо…
Взмахнет синицы легкий веер
И опахнет мое лицо.

Мне так охота затаиться
И видеть, как в зазорах мглы
Ко мне летит моя синица,
Чтоб пеньем оживить углы

Моей души многострадальной,
И радость из нее добыть…
Летит она из рощи дальней
Мою тоску растеребить,

Разворошить мое сознанье,
Растормошить слепую кровь,
Да так, чтоб сердце распознало
Во мгле последнюю любовь.